УДК 94 (470.67) «18»-05

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-3-21-28

А.И. Омаров, М.М. Гайдарбеков

**К вопросу об идеологической деятельности Тажуддина Мустафина в годы
Кавказской войны XIX века (1835–1841 гг.)**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; levzerov@mail.ru, m.gaydarbekov@mail.ru*

В статье предпринята попытка показать деятельность известного казанского богослова, которого Российское правительство привлекло для борьбы с влиянием и авторитетом руководителей движения горцев 20–50 гг. XIX в. Отмечается, что процесс расширения государственных границ империи в южном направлении привел к началу длительных военных действий против горских обществ, пытавшихся отстоять свою независимость. Значимую роль в планах кавказского командования по покорению горцев играли идеологические методы, поддержка местной феодальной аристократии. Особое значение кавказская администрация уделяла привлечению на свою сторону и использованию местного мусульманского духовенства. Внимание акцентируется на том факте, что в мусульманском духовенстве не все разделяли идеи и принципы руководителей борьбы горцев-имамов.

Важное место в информационно-идеологической работе царской администрации занимали авторитетные духовные лица из-за пределов Кавказа. Анализ имеющихся источников показывает, что попытки использовать идеологов из Крыма и Поволжья носили достаточно регулярный характер.

Раскрываются особенности сотрудничества Тажуддина Мустафина с российской властью, его должностной, материальный статусы, специфика инструкций. Материалы статьи позволяют проанализировать степень поддержки Тажуддина Мустафина в традиционном дагестанском и чеченском обществах XIX в., его религиозную аргументацию, противопоставленную идеологии движения горцев под руководством имама Шамиля.

На основе фактического материала предпринимается попытка объяснить мотивацию действий и проследить маршрут поездок Тажуддина Мустафина в различные районы Дагестана. Это дает возможность выявить, насколько серьезной поддержкой пользовался казанский муфтий в горских обществах, находившихся под контролем царской администрации, имама Шамиля, а также в обществах, занимавших нейтральную позицию.

Проанализированный документальный материал позволил выявить причины неудачной миссии Тажуддина Мустафина и краха проекта противопоставить имаму Шамилю сколь угодно серьезного идеологического оппонента.

Вместе с тем делается вывод о том, что деятельность казанского богослова была не единичной акцией, а одним из шагов в систематических попытках использовать не только военные и репрессивные меры против восставших горцев, но и политические, идеологические инструменты для стабилизации ситуации на Кавказе.

Ключевые слова: *горцы, идеология, правительство, Чечня, Дагестан, война, движение, политика, Тажуддин Мустафин, имамат.*

Процесс продвижения интересов царской России в пределах Кавказа, принявший ясные очертания еще с далеких Петровских времен, требовал от дома Романовых немало политической воли для проведения активной политики на Кавказе. Жесткая колони-

альная политика царизма привела к Кавказской войне и в целом ввиду громадных людских и материальных потерь не оправдала себя. Не отказываясь от основной силовой линии, принятой в царском окружении, и зачастую действуя по принципу «усмирения навсегда горских народов или истребления непокорных», царская администрация, помимо военных и экономических методов, проводила параллельно и идеологическую работу. Попытки внедрить идеологический комплекс мер предпринимались еще со времен проконсула Кавказа генерала А.П. Ермолова, который был вынужден считаться с «мусульманским вопросом» [1, с. 72]. При Ермолове и его преемниках в последующем в этой работе заметную роль играли местные элементы в лице аристократов и представителей духовенства. Духовные лица по своему статусу хотя и не приравнивались к господствующему классу, но занимали привилегированное положение в дагестанском обществе и имели влияние на народ. Кроме этого, «мусульманская элита, являясь образованной прослойкой населения, играла исключительно большую роль в жизни и быту горских народов на Кавказе» [2, с. 15]. Кавказское командование считало, что, кроме военных мер, необходимы и политические средства. В частности, «использовать местных феодалов–противников имамов, таких, как Даниял-бек Илисуйский, Ахмед-хан Мехтулинский, шамхал Тарковский и других феодалов, ближайших сподвижников имама Шамиля, привлекать знаменитых кадиев, имеющих влияние на народы, через их влияние постепенно можно уничтожить совершенно воззвания мюридов и добиваться того, что народ потеряет к мюридам и к духовной власти Шамиля уважение и доверие» [3, с. 355].

Соответственно одной из задач духовенства кавказская власть видела проведение дискредитирующей политики в отношении руководителей национально-освободительного движения горцев, выработку контрмер и альтернативных подходов в трактовке священных текстов мусульманского вероучения. Политика царизма в этом вопросе была взвешенной, учитывающей местную специфику и национально-этнические интересы. Среди дагестанской богословской школы позиции царизма активно поддерживались со стороны Зухум-кади Акушинского, Саида Араканского, Мирза-Али Ахтынского, Гаджи-Юсуфа Аксаевского и других религиозных деятелей, выражавших интересы российской политики на Кавказе, и которые, по словам Х.Х. Рамазанова, «стали на путь предательства национальных интересов» [4, с. 110]. Согласно Р.М. Гичибековой, «данная группа дагестанских ученых, обласканная российской властью, стала противником действий трех имамов против России и дагестанских феодальных владетелей» [5, с. 20].

Вполне объяснимо, что власти пытались использовать в своих интересах тех, кто лояльно или нейтрально относился к российской администрации. Помимо вышеназванных лиц, это известные авторитетные кадии и представители духовенства Дагестана [6, с. 175]. Например, Акушинский кадий Магомед, Аслан-кадий Цудахарский, которые критиковали администрацию и военное командование за их злоупотребления, а имама Шамиля – за ведение заведомо неравной войны с могущественным противником.

В целях усиления этой пропагандистской работы царская администрация обращалась и за пределы Северо-Восточного Кавказа, пользовалась просветительскими услугами богословов из Поволжья и Крыма. Видное место в этой пропагандистско-агитационной работе занимал проповедник из Казани Тажуддин Мустафин, на которого в начале 30-х годов XIX в. царская администрация возлагала большие надежды. Н.И. Покровский в своей работе «Кавказские войны и имамат Шамиля» указывает, что в планах царского командования была централизация духовенства, придерживающегося Ислама суннитского толка, и передача соответствующих полномочий в руки одного человека: «Религиозной пропаганде мюридизма самодержавие хочет противопоставить

свою религиозную магометанскую пропаганду. Для достижения этой цели выплывает широкий проект подчинения всего горского суннитского духовенства специальному духовному лицу. На роль духовного вождя всех кавказских суннитов намечается казанский эфенди Тадж ад-Дин Мустафин» [7, с. 263]. Именно он должен был заняться дискредитацией движения горцев под руководством Шамиля.

Современник и соотечественник Тажуддина Мустафина Шигабудин Марджани отмечал, что он неплохо разбирался в таких науках, как исламское право, догматическая философия, арифметика, логика, и даже писал трактаты на эти темы. Но настоящим вызовом для Мустафина стало назначение его муфтием в Тифлис, куда он направился с большим энтузиазмом и верой в успех.

В исторических хрониках приводятся противоречивые данные о дате прибытия Мустафина на Кавказ. М.А. Гамзаев считает, что это был 1835 год, когда проповедник из Казани и по совместительству офицер царской империи в чине капитана поселился в Тифлисе. Такого же мнения придерживается и ряд других авторов, в том числе и Х.М. Доного. Известный дагестанский историк Р.М. Магомедов предлагает альтернативную точку зрения, согласно которой Т. Мустафин годом ранее, в 1834 году, был уже утвержден муфтием Кавказа и наверняка в этом же году приступил к своим непосредственным обязанностям. Хотя не факт, что утверждение на должность и фактический приезд происходили в одно и то же время. М.М. Гасаналиев в книге «Первая Кавказская война» тоже ссылается на 1834 год и связывает его приезд со смертью непримиримого противника движения горцев Саида Араканского: «В связи со смертью Саида Араканского власти привезли на Кавказ для ведения подрывной деятельности среди горцев казанского проповедника Тажуддина Мустафина» [8, с. 228]. Вполне возможно, что для восполнения этого пробела царское командование на Кавказе решило обратиться к своему прежнему опыту, когда казанский муфтий был приглашен администрацией Екатерины II для ведения переговоров с кабардинскими князьями. Невыясненным остается лишь вопрос о возможной связи между избранием Шамиля на должность имама и приездом Тажуддина на Кавказ. Общеизвестно, что оба эти события пришлось на 1834 год. Мустафин со своей семьей поселяется в Тифлисе, где ему создают вполне комфортные условия: снимают квартиру, назначают жалованье в 250 рублей серебром.

Царское командование на Кавказе не форсирует события и не отправляет Мустафина в «свободное плавание» по неизведанному и далекому краю. Его снабжают необходимой информацией о Кавказском регионе, предлагают ознакомиться с бытом, нравом и традициями горцев. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г.В. Розен дает ему подробнейший инструктаж и благословляет на отправку в Дагестан и Чечню: «Согласно изъявленному Вами, почтеннейший эфендий, желанию, прошу Вас отправиться к горским народам, обитающим в восточной части Кавказа, на тот конец, дабы Вы ознакомились ближе с их нравами и обычаями, посредством благоразумных убеждений и внушений старались вселить в них более доверенности к правительству и вывести из многих заблуждений, в которые вводят их люди неблагонамеренные, умеющие пользоваться их невежеством и легковерием и которые стремятся к одному исполнению собственных своих видов, всегда клонящихся к удовлетворению корысти и неограниченного властолюбия» [9, с. 351]. При этом Г.В. Розен, прекрасно отдавая себе отчет в том, что увещевания российского капитана Мустафина вызовут лишь отторжение со стороны горцев, не забывает добавить, что необходимо максимально завуалировать свою миссию. В понимании Г.В. Розена, образ странника, совершенно случайно и по доброй воле оказавшегося в горах, идеально подходил Тажуддину. Русское командование рассчитывало на ораторское мастерство Мустафина и его

умение убеждать словом. Конечной целью его миссии, по словам И. Дроздова, считалось «обратить горцев на путь истинный, подчинить их русскому правительству, истребить или выдать нам живьем Шамиля» [10, с. 291].

Значительно более объективной выглядит та часть инструкции барона Г.В. Розена Тажуддину, где говорится: «...мы от них (горцев. – А. О., М. Г.) кроме мирной жизни и сохранения должного порядка не требуем. Однако же они (Шамиль, Ташов-хаджи. – А. О., М. Г.) имеют в Дагестане приверженцев, коих стараются возмутить против правительства, распуская ложные слухи, будто бы мы имеем намерение обратить их в христианскую веру; на сей-то важный предмет я желаю, чтобы вы обратили особое ваше внимание. Вам самим известно, сколько правительство наше терпеливо насчет религии: всякому предоставляется свободно и без малейшего притеснения исповедовать свою веру. Миллионы мусульман и других инородцев благоденствуют под могуществом скипетра великого государя нашего, всякий из них наравне с россиянами имеет право избрать по желанию образ жизни, всякому одинаково открыт путь к возвышению и улучшению состояния, и все одинаково поощряются в службе его И.В.» [9, с. 351–353].

Согласно Х.Х. Рамазанову и М.А. Гамзаеву первый маршрут Мустафина лежал напрямую из Тифлиса в крепость Грозную, где он выступил перед представителями 29 чеченских аулов и только после этого отправился в Дагестан. Однако, по данным Х.М. Доного, Мустафин после двухлетнего пребывания в Тифлисе свою миссию начал с султанства Елисуйского, где он наверняка имел встречу с подданными небезызвестного Даниял-бека. Затем Мустафину предстояло объехать ханства Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, а также шамхальство Тарковское и Кумыкское приставство. Во всех упомянутых феодальных владениях выступления Мустафина получили широкую поддержку, «его проповеди слушались внимательно, с интересом и благоговением» [10, с. 291], «ханы и приставы из туземцев встречали агитатора с большой торжественностью, но все же в глубь Дагестана Мустафин ехать не решил» [11, с. 54], и пока он «находился в областях, управляемых ставленниками царизма, проблем не возникало» [9, с. 364].

Во многом причина успеха Мустафина на начальном этапе его миссии на Кавказе кроется в том, что вышеуказанные феодальные владения имели ярко выраженную про-российскую ориентацию. Проповеди Мустафина здесь воспринимались лучше, чем в независимых союзах сельских обществ. Однако не все подданные шамхала Тарковского или Ахмед-хана Мехтулинского были глубоко равнодушны к национально-освободительному движению горцев. Еще в ермоловский период во владениях шамхала Тарковского вспыхивали восстания, всеобщее недовольство от новых распоряжений с трудом удавалось сдерживать. Можно предположить, что многие жители шамхальства не разделяли пылкие и красноречивые выступления казанского проповедника.

Тем временем Мустафин продолжал разъезды по укрепленным царскими войсками населенным пунктам. После вышеупомянутого обращения к представителям 29 чеченских аулов в крепости Грозной Тажуддин побывал в Аксае, Эндирее и Чиркее. В Чиркее было особо многолюдно, с учетом прилегающих к нему территорий собралось примерно 4 тысячи человек, к которым он обратился со следующим воззванием: «О мусульманская умма, нашим и вашим счастьем является возможность покориться царю – храброму, щедрому и высокочтимому. И по шариату мы обязаны быть преданы царю, который милостив к нам и заботится о нас. Мы обязаны утром и вечером молиться за его здоровье» [12, с. 70]. Х.М. Доного приводит полную версию этого воззвания, в котором императора Николая Павловича наделяют высокочтимыми качествами и сравнивают с библейскими пророками Соломоном и Давидом. Слова похвалы Мустафин ад-

ресует также и командующему Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головину и генерал-лейтенанту К.К. Фези. Противников новой власти Тажуддин называет неразумными и невеждами, которые, «не разумея шариат наш, не подчиняясь великому императору, чинят кражи, разбои на дорогах и причиняют вред населению» [13, с. 167].

В этой связи любопытна аргументация, которой пользовался Мустафин в своих обращениях, какие коранические цитаты и изречения пророка Мухаммада приводил в качестве довода перед толпами людей, в чем пытался уличить Шамиля. Изученная нами источниковая база практически не располагает подобной аргументацией. Исключение составляет труд П.А. Павленко «Шамиль», в котором приводится следующее изречение пророка Мухаммада: «Всякое нововведение есть противообычие, всякое противообычие есть заблуждение, а всякое заблуждение в Огне» [11, с. 55]. Другими словами, Мустафин руководителей народно-освободительного движения горцев пытался обвинить в новаторстве, подтасовке и фальсификации шариатских норм, что в его понимании могло подорвать их героический образ в глазах людей. В этом деле казанскому муфтию рекомендовали «присовокупить к вашему сведению, что между местными достойнейшими и благоразумнейшими духовными особами правительство в особенности оказывает свое дружеское уважение благонамеренным Мамед-кадию Акушинскому и Саид-кадию Араканскому, а равно обращает внимание и на известного уже нам Аслан-кадия Цудахарского» [9, с. 351–355].

Однако Тажуддин, понимая всю бесперспективность заочной дискуссии с Шамилем, предпринимает попытки лично выйти на него и тем самым выполнить поставленную перед ним задачу. Но Шамиль не верит в искренность Мустафина и провозглашаемые им лозунги, поэтому оставляет эти настойчивые просьбы без внимания и, более того, сажает его гонцов в яму [14, с. 21–23]. Примеру своего вождя следуют и другие сторонники имама. Андаляльское вольное общество открытым текстом заявляет, что в нравоучениях Мустафина не нуждается, а наиб Шамиля Ташов-хаджи и вовсе не рекомендует ступать на чеченскую землю: «Я, полномочный визирь пребывающего в сей стране имама Шамиля, предписываю вам, чтобы вы без дозволения нашего не разъезжали бы в сих странах, и если вы не глупы, то должны удалиться, прежде чем вам будет нанесен вред» [10, с. 292]. П.А. Павленко добавляет, что Ташов-хаджи обличил его в шпионаже и «советовал не появляться в пределах Чечни» [11, с. 54].

Это означало, что Мустафин провалил свою миссию на Кавказе, его методы оказались чужды горцам и всерьез ими не воспринимались. Х.Х. Рамазанов объясняет причины провального вояжа Мустафина по Кавказу тем, что он был недостаточно компетентен в шариатских вопросах и соответственно не смог вести достойную и плодотворную полемику с Шамилем: «Руководители горцев как большие знатоки Ислама, мусульманского права, легко парировали аргументы и суждения незадачливых оппонентов и показали, что они выполняют всего лишь заказ русского царизма за плату» [4, с. 114–115]. Не отказываясь от предложенной Х.Х. Рамазановым версии, следует отметить, что причина провала миссии Мустафина заключалась также и в том, что ему так и не удалось разобраться в причинах возникновения народно-освободительного движения горцев. Соответственно он, не прочувствовав реалии горского общества, действовал бездумно и прямолинейно. Поэтому, «как ни усердствовал муфтий в исполнении приказов царских властей, ни авторитета, ни влияния среди горцев Дагестана он не приобрел» [14, с. 94]. Х.М. Доного, развивая эту мысль, писал: «Он не понял психологию горцев Кавказа, не вник в те задачи, которые поставили перед собой борцы за независимость, вот поэтому вся его деятельность и не принесла успеха его покровителям» [13, с. 24]. Н.И. Покровский видел проблему не в личностных характеристиках Муста-

фина и его неподготовленности к подобной миссии, а в самом проекте, ставке царизма на «духовных варяг»: «Бездарный проект потерпел крушение с первых же шагов: проповедь могла вестись только под непосредственной охраной или царских войск, или преданных царизму ханов», и, как следствие, «попытка пустить в ход красноречие знаменитого проповедника в горах была оставлена» [7, с. 263]. Командующий Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головин вынужден был признать, что от этого муфтия «можно ожидать лишь малую пользу для дел наших в Дагестане, где нужное влияние и доверие несомненно легче привлечь к себе здешнему уроженцу» [14, с. 94].

Легким утешением для Мустафина стали присвоение ему титула «шейх уль-ислам», которое было инициировано по его же желанию, и награда в размере 80 червонцев. И. Дроздов считает, что сумма, отпущенная Тажуддину, была намного больше: 750 рублей и 180 червонцев [10, с. 292]. Несмотря на неожиданный отъезд в Казань в 1840 г., Мустафин не терял надежды на то, что вновь вернется на Кавказ и продолжит начатое дело, но для этого он требовал значительно увеличить свое жалованье: «Из Казани муфтий сообщил, что он сможет вернуться на Кавказ лишь в том случае, если ему будет назначено жалованье в 5 тыс. рублей в год, т. е. столько же, сколько получает казанский муфтий, и сверх того средства на обратный проезд». Видимо, так и не дождавшись внятного ответа от царского командования, Мустафин в 1841 году «за собственный счет» [14, с. 94] приезжает в Тифлис, но поскольку вакантное место муфтия было уже занято казахом Османом-эфенди, «было предписано отправить старого муфтия обратно в Казань». Тажуддин Мустафин отправился в Мекку и, пользуясь званием отставного майора, возбудил ходатайство о назначении ему пенсии за услуги, оказанные им правительству в бытность его в Тифлисе «муфтием Омаровой секты» [14, с. 94]. Из этого можно сделать вывод, что Мустафин придавал особое значение своей миссии на Кавказе и, видимо, считал, что она была выполнена на высоком уровне. Царское командование, напротив, было убеждено, что Мустафин «чужд Кавказу и учение его несовершенно согласно с правилами суннизма в Дагестане и вообще в том крае исповедуемого мусульманами» [14, с. 94].

Попытки Тажуддина Мустафина вновь вернуться на прежнюю стезю ничем не закончились, проект казанского проповедника царизмом был свернут. В 1846 году жизнь Мустафина трагически оборвалась: возвращаясь из Мекки, он утонул в Красном море. Ему было 62 года.

Можно констатировать, что российская власть на Кавказе продолжала делать ставку на духовных лиц, поддерживающих политику властей. В частности, генерал Головин предлагал поручить временно исполнять обязанности муфтия казахскому кадию Осман-эфенди с таким же содержанием, как и у его предшественника. В последующем при наместничестве Воронцова предпринималось несколько попыток направить на Кавказ благонадежных представителей мусульманского духовенства из других областей России [14, с. 94–97]. Таким образом, попытки идеологического воздействия на Шамиля и его сторонников путем создания альтернативного духовенства не только не потеряли своей актуальности, но и были усилены по мере растущего влияния Шамиля в горах.

Литература

1. Гичибекова Р.М., Омаров А.И. Из истории политики самодержавия в отношении мусульманского мира Кавказа в первой трети XIX века // Вестник ДГУ. – Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 4. – С. 71–75.

2. Гичибекова Р.М. Роль мусульманской элиты в народно-освободительной борьбе народов Северного Кавказа 20–50-х гг. XIX века // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 14–44.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: сборник документов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 785 с.
4. Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. – Махачкала: Исламская типография «Ихлас», 2004. – 342 с.
5. Гичибекова Р.М. Идеологическое противостояние в мусульманской элите Дагестана 20–70-х гг. XIX века: автореф. дис. канд. ист. наук. – Грозный: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2017.
6. Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. – Махачкала: Алеф, 2014. – 329 с.
7. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с.
8. Гасаналиев М.М. Первая Кавказская война. – Махачкала: Библиотека фонда Шамиля, 2011. – 632 с.
9. Дроздов И. Начало деятельности Шамиля // Кавказский сборник. – Тифлис, 1899. – Т. 20.
10. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). – Махачкала: Даггиз, 1940. – Т. III, ч. I. – 471 с.
11. Павленко П.А. Шамиль. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 224 с.
12. Гамзаев М.А. Имам Шамиль. – Махачкала: Тарих, 2013. – 366 с.
13. Доного Х.М. Идеологические эмиссары российского самодержавия в противодействии газавату кавказских народов // Материалы Межд. научной конференции «Актуальные проблемы Кавказской войны и наследие имама Шамиля». – Махачкала: Дагестанский центр гуманитарных исследований им. И. Шамиля, 2012. – 220 с.
14. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 241 с.
15. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 592 с.

Поступила в редакцию 13 сентября 2018 г.

UDC 94 (470.67) «18»-05

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-3-21-28

The question of the ideological activities of Tazhuddin Mustafin in the North-Eastern Caucasus in 1835–1841

A.I. Omarov, M.M. Gaydarbekov

*Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
levzerov@mail.ru, m.gaydarbekov@mail.ru*

The article attempts to show the activity of the famous Kazan theologian, whom the Russian government attracted to combat the influence and authority of the leaders of the mountaineers' movement in the 20–50s. It is noted that the process of expanding the state borders of the empire in the southern direction led to the beginning of long-lasting military operations against the mountain socie-

ties attempting to protect their independence. A significant role in the plans of the Caucasian command to conquer the mountaineers was played by the ideological methods, and the local feudal aristocracy support. The Caucasian administration pays special attention to attracting and using the local Muslim clergy. Attention is accentuated by the fact that not all the Muslim clergy shared the ideas and principles of the mountaineers-imams leaders' struggle.

An important place in the information and ideological work of the csarist administration was occupied by the authoritative clerics from outside the Caucasus. The analysis of the available sources shows that attempts to use ideologists from the Crimea, the Volga region, were quite regular.

The peculiarities of Tazhuddin Mustafin's cooperation with the Russian government, its official status, material status, information awareness and instructions of the theologian are revealed. The materials of the article allow us to analyze the degree of Tazhuddin Mustafin's support in the traditional Dagestan and Chechen societies of the 19th century, to analyze his religious arguments, contrasted with the ideology of the movement of the mountain people under the leadership of Imam Shamil.

On the basis of factual material, an attempt is made to explain the motivation of actions and trace the route of Tazhuddin Mustafin's trips to various regions of Dagestan. This makes it possible to reveal how much support the Kazan mufti enjoyed in the mountain societies controlled by the csarist administration, Imam Shamil, and also in societies that held a neutral position.

The analyzed documentary material made it possible to identify the reasons for the failure of the Tazhuddin Mustafin's mission and the collapse of the project to oppose Imam Shamil with any serious ideological opponent.

At the same time, the conclusion is made that the activity of the Kazan theologian was not a single action, but one of the steps in systematic attempts to use not only military and repressive measures against the mountainous rebels, but also political and ideological tools for stabilizing the situation in the Caucasus.

Keywords: *highlanders, ideology, government, Chechnya, Dagestan, war, movement, politics, Tazhuddin Mustafin.*

Received 13 September, 2018